

И складки древние хитона, и колокольчик водевиля...

...и праздничное одиночество картин Нико Пиросмани — все это не только афиши и не только спектакли, все это — Грузия. Сама Грузия — мудрая, мужественная, лукавая, грустная и весело, открыто хохочущая над собой. И всегда верящая в жизнь, в светлое кахетинское, в гроздь винограда, в солнце и землю, мечту и человека.

Если вы были на всех трех спектаклях и смотрели и «Царя Эдипа» Софокла, и «Старинные водевили», и «Праздник одиночества» («Пиросмани») В. Коростылева — вы поступили правильно и не обделили себя ни на один день. Ибо Грузия без «Царя Эдипа» была бы только изысканно-легкомысленная, а без водевиля — слишком сурова в заоблачной выси древнегреческой трагедии, а без Нико Пиросмани, который тихо говорит залу и человечеству: «Здравствуйте, все!» — какая же была бы Грузия без Нико!

Вы видели эти три спектакля и поняли их — значит, вы видели Грузию и поняли Грузию. И нельзя здесь не сказать о том, что знакомство это состоялось благодаря театру «Дружба», который последовательно знакомит бакинцев со всем тем новым, ярким, самобытным, что есть в театральном искусстве страны.

Что же главное в этом своеобразном (и хочется сказать как о человеке: своеобразном) Тбилиском государственном академическом театре имени Котэ Марджанишвили? Это — не созвездие имен, известных стране, каждое из которых — яркая индивидуальность. И не артистическая, виртуозная свобода, строгий вкус и мера во владении любым материалом — рискованное соседство на афише трагедии, водевиля и сложной философской драмы при-

несли театру аплодисменты публики и цветы на всех трех спектаклях. Главное — не в этом, потому что эти условия — само собой разумеющееся. Главное в том ощущении целостности, которое театр дарил каждый вечер, — очень стойкое ощущение, через которое вы воспринимали мир: в величественных складках мятущейся трагедии, через позолоченную раму водевиля, через грустно доверчивые и наивные картины Пиросмани. И это настроение «переклещивало» театр, как гипнотизер, и весь вечер — до вечера следующего — вы думали о том, о чем нужно было театру. Вы уходили после «Царя Эдипа» потрясенные пластикой, простотой и величием, нисколько не сомневаясь, что перед вами — царь Эдип. То есть, конечно, народный артист СССР О. Мегвинетухуцеси. И женщина в зеленом — конечно, Иокаста — то есть народная артистка Грузии М. Джапаридзе. И каждая складка на хитонах была достоверна, и такой могла быть «премьера» трагедии около двух с чем-то тысячелетий назад, и именно таким был хор — ожившим человеческим храмом, перед которым вершился поединок человека с Судьбой, — храмом грозным и молящим, страдающим и в ужасе вздымающим руки и небу. Правда, эти греки горькими и горячими — но кто попробует теперь доказать, что они были другими? В конце концов, именно в Колхиде они искали золотое руно, и для их темперамента, надо думать, не прошло бесследно знакомство с древней Грузией — там, где течет сегодня река Риони... Древнегреческая трагедия? Кого она может держать в напряжении час с лишним? Однако зал сидит, не шелохнувшись, не дыша, ничем не шур-

шит и не кашляет, потрясенный финалом, когда ослепленный Эдип идет навстречу судьбе и скрывается за пучиной складок вырастающего на глазах хора — складок древних, как море, как забавление и бес- смертие, как спор человека с судьбой, как Греция — и Грузия...

— Почему «Царь Эдип»? — говорит художественный руководитель театра, народный артист СССР Г. Лордкипанидзе. — Не только потому, что у него большая, долгая жизнь в театрах Грузии. И меня, и театр, и актера, исполняющего главную роль (а любой спектакль существует, если есть такой актер), привлекает человек, который сам несет бремя своей судьбы, сам ищет правду, опасную для него и его положения, предпочитает правду невзведению и лжи, повержен этой правдой — но не сломлен ею, не жалок, не мелочен — он идет навстречу судьбе.

Именно такого Эдипа играет О. Мегвинетухуцеси. Потому он велик и поверженный, и ослепленный, без золотого царственного обруча...

Сколько требуется дней, чтобы создать мир? Может быть, семь. А может быть, и всего три, и в день второй творится водевиль! По правде говоря, как вас могут смешить эти нехитрые истории о мнимой неверности жен, и о том, как надо держать в руках мужей? Однако зал хохочет и постановщик от хохота, хлопает, как вчера, после занавеса стоя, и актеры так заразительно играют, словно они знают не знают ни о каком царе Эдипе и вообще ни о каких трагедиях: танцы, песни, веселый молодой вихрь и карусель свечащихся зонтиков — водевиль! Никаких сложностей! Никаких убийств! «Чистый жанр», как говорит Г. Лордкипанидзе. И если вися-

щее на стене ружье в грузинском водевиле все-таки стреляет, то можете сами догадаться, куда... пониже мужниной спины. А муж, задумавший непременно сегодня убить жену, хоть и настроен весьма решительно, выговаривает ружью: и чего-то ты сегодня стреляешь — ведь не стреляло никогда! Зал хохочет, хлопает и уходит, смеясь — точно так же, как вчера уходил молча. А сегодня — смеяться не здоровье, гадать! Это же весело, забавно и смешно — как сама жизнь. «Царь Эдип» — это высоко, высоко и сурово так, что дух захватывает, — но и это тоже жизнь. Да, и есть праздник одиночества, и таким грустным праздником была жизнь художника, — и это тоже жизнь: и смеяться надо человеку, и думать, и терять, и находить — человеку нужно все, как виноградною кисти нужно и солнце, и дождь, прежде чем ей стать вином, и еще потом топчут ногами и замирают в холодный подвал одиночества — что ж, она, эта кисть, будет, как говорит этот сумасшедший Нико, после этого «на одну боль умнее».

А это — уже Грузия. Грузия, такая она есть и какой мы ее знаем по рассказам Чавчавадзе, по его словам «солнечная тень», по легкому вздоху Пушкина: «Мне грустно и легко; печаль моя светла...», и по старому фильму «На горюю!», и по новому о Мимно, и по песням — мудрым и простым, в которых сказано: «Чего не потеряешь — того, брат, не найдешь». Грузия учит без менторства, без назиданий, ее философия без философского колпака, она может взять равно и царский легкий обруч, и колокольчик...

Г. Лордкипанидзе, говоря о кредо театра, несчастье имя Котэ Марджанишвили, чьей

первой пьесой была пьеса с названием «Гоп-ля, мы живем!», сказал: «Театр — это праздник. И все актеры это знают. Да, театр — это всегда праздник, даже если это праздник одиночества! Актеры все играют — как тут скажешь! — радостно? с удовольствием? азартно? Да. Но точнее сказать — живут. Когда зажигается свет, их лица еще не успевают остыть от той жизни, которой они жили, и поэтому цветы, которые всегда торопятся подарить публике, за обложкой целлофана кажутся маленькими космонавтами в скафандрах из других миров, не вовремя влетевшими в чужую жизнь. Разве этот человек в потертых джинсах — не Нико? А раз так — то нужно ли хлопать ему, и как можно хлопать художнику, не любившему аплодисментов! Пока артисты «отходят» в наш обычный мир и уже улыбаются с трудом, как после мороза, вы смотрите в программу и поражаетесь: как человек, проживший жизнь Нико Пиросмани, день назад был Эдипом?! Но этого не может быть! «Играл» — какое грубое и ненастоящее слово для этой жизни на сцене. И вы чувствуете, что каждый причисленный к театру актер, каждый, служащий в нем и ему, служит еще и искусству, к искусству относит и цветы, и аплодисменты, подобно тому, как актеры, занятые в «Празднике одиночества», дарят букетики цветов... картина Нико, смотрящим в зал своими детскими, грустными и удивленными глазами.

«Здесь можно сотворить мир», — сказал как-то о театре известный режиссер.

Грузинский театр сотворил его за три дня, оставив зрительно чувство праздничного и творчества, и чудотворства.

Н. АЙРАПЕТОВА.